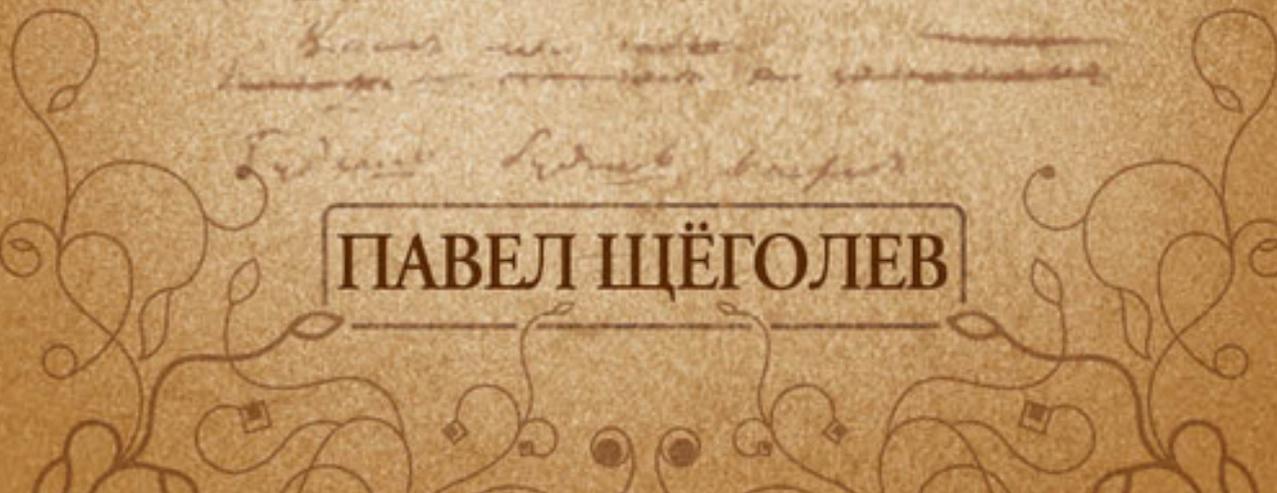

Жизнь Пушкина

ДУЭЛЬ
И СМЕРТЬ
ПУШКИНА

ПАВЕЛ ЩЁГОЛЕВ

Павел Щёголев

Дуэль и смерть Пушкина

«Алисторус»

1928

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Щёголев П. Е.

Дуэль и смерть Пушкина / П. Е. Щёголев — «Алисторус», 1928

ISBN 978-5-6995-5039-5

Дуэль Пушкина по-прежнему окутана пеленой мифов и легенд. Классический труд знаменитого пушкиниста Павла Щёголева (1877–1931) содержит документы и свидетельства, проясняющие историю столкновения и поединка Пушкина с Дантесом. В своей книге исследователь поставил целью, по его словам, «откинув в сторону все непроверенные и недостоверные сообщения, дать связное построение фактических событий». «Душевное состояние, в котором находился Пушкин в последние месяцы жизни, – писал П. Е. Щёголев, – было результатом обстоятельств самых разнообразных. Дела материальные, литературные, журнальные, семейные; отношения к императору, к правительству, к высшему обществу и т. д. отражались тягчайшим образом на душевном состоянии Пушкина. Из длинного ряда этих обстоятельств мы считали необходимым – в наших целях – коснуться только семейственных отношений Пушкина – ближайшей причины рокового столкновения». Книга также издавалась под названием «Злой рок Пушкина. Он, Дантес и Гончарова».

УДК 82-94

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-6995-5039-5

© Щёголев П. Е., 1928

© Алисторус, 1928

Содержание

История последней дуэли Пушкина	6
1	6
2	13
3	17
4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Павел Щёголев

Дуэль и смерть Пушкина

© Щёголев П. Е., 2012

© ООО «Алгоритм-Издат», 2012

© ООО «Издательство Эксмо», 2012

* * *

История последней дуэли Пушкина 4 ноября 1836 года – 27 января 1837 года

1

Благополучие рода Дантесов было прочно обосновано на рубеже XVII и XVIII столетий Жаном-Генрихом Дантесом (1670–1733), крупным земельным собственником и промышленником. У него были доменные печи, серебряные рудники, занимался он производством жести и учредил фабрику холодного оружия. Им было приобретено имение в Зульце, ставшее постоянным местопребыванием семьи Дантесов. В 1731 году Жан-Генрих Дантес был возведен в дворянское достоинство. Его ближайшие потомки ревностно служили своим королям и вступили в родственные связи со многими родовитыми семьями. Внук его Жорж-Шарль-Франсуа-Ксавье Дантес (1739–1803) был женат на баронессе Рейтнер де Вейль; в революционную эпоху он должен был эмигрировать, но ему посчастливилось: он не потерял своего состояния. Продолжателем рода был второй его сын – Жозеф-Конрад (1773–1852). Во время бегства Людовика XVI в Варенн он служил в тех войсковых частях, которые должны были под руководством маркиза Буилье содействовать бегству короля. Эмигрировав из Франции, он поселился в Германии, у своего дяди и крестного отца, барона Рейтнера, командора Тевтонского ордена. Вернувшись из Германии на родину в Зульц, он женился здесь в 1806 году на графине Марии-Анне Гацфельдт (1784–1832). От этого брака родился Жорж Дантес, которому суждено было стать убийцей Пушкина¹.

Графиня Гацфельдт принесла в семью Дантесов значительные родственные связи. Их следует отметить, так как ими объясняются кое-какие позднейшие отношения Жоржа Дантеса. Мать Дантеса принадлежала к роду Гацфельдтов. Отец ее – брат первого в роду князя Гацфельдта, бывшего губернатором Берлина во время оккупации его французами. Одна из его сестер была замужем за графом Францем-Карлом-Александром Нессельроде-Эресофен (1752–1816). Эта ветвь Нессельроде родственна той ветви, отпрыском которой является знаменитый «русский» граф Карл Нессельроде (1780–1862), канцлер и долголетний министр иностранных дел при императоре Николае Павловиче. Мать графини Гацфельдт, вышедшей за Дантеса, – графиня Фредерика-Элеонора Вартенслебен; ее сестра, графиня Шарлотта-Амалия-Изабелла Вартенслебен, родившаяся в 1759 году, вышла в 1788 году замуж за графа Алексея Семеновича Мусина-Пушкина, русского дипломата, бывшего посланником в Стокгольме. Умерла она в России и похоронена в Москве, на иноверческом кладбище. На ее могильном камне значится: «Графиня Елизавета Федоровна Мусина-Пушкина, действительная тайная советница и кавалерственная дама. 127 августа 1835 года»².

Жозеф-Конрад Дантес, отец Жоржа Дантеса, получивший баронский титул при Наполеоне I, был верным легитимистом. В 1823–1829 годах он был членом палаты депутатов и принадлежал к правым. Революция 1830 года заставила его уйти в частную жизнь.

Жорж-Шарль Дантес родился 5 февраля 1812 г. нов. ст. Он был третьим ребенком в семье и первым сыном. Учился он первоначально в коллеже в Эльзасе, потом в Бурбонском лицее. Отец хотел отдать его в пажи, но в ноябре 1828 года не оказалось свободной вакансии: была

¹ Луи Метман, сын дочери барона Дантеса-Геккерена от брака ее с генералом Метманом, по нашей просьбе, составил биографическую справку о своем деде, которая изложена нами во второй части книги. обстоятельная биография Дантеса, составленная С. А. Панчулидзевым, помещена в «Сборнике биографий кавалергардов» 1825–1899, с. 75–92. Все остальные «биографии» Дантеса лишены какого-нибудь фактического содержания.

² Московский Некрополь, II, 298.

одна, и ту Карл X обещал герцогине Беррийской³. Поэтому Дантес был отдан в Сен-Сирскую военную школу. Зачисление его в списки школы состоялось 19 ноября 1829 года. Кончить курса барону Дантесу не удалось: он не пробыл в школе и года, когда произошла Июльская революция 1830 года. Ученики Сен-Сирской школы были настроены в это время совсем не либерально и в огромном большинстве были преданы Карлу X. Чтобы избежать возможных столкновений с народом, 1 августа 1830 года было предложено всем желающим ученикам взять отпуск до 22 августа. Но трехнедельный отпуск не помог и не истребил преданности законной монархии. 27 августа 1830 года начальник школы генерал Менуар доносил военному министру, что на 300 учеников с трудом найдется 60 человек, на подчинение которых новому правительству можно рассчитывать. «Другие, – писал генерал, – обнаруживают чувства прямо противоположные; вчера свистели при виде трехцветных значков, принесенных для упражнения; стены покрыли возмутительными надписями»⁴. В послужном списке Дантеса, хранящемся в архиве Сен-Сирской школы, отмечено, что 30 августа 1830 года он уволен был в отпуск, а 19 октября того же года уволен из школы по желанию семейства. Дантес был в числе преданных Карлу X. По рассказу *Луи Метмана*, «Дантес в июле 1830 года примкнул к той группе учеников школы, которая вместе с полками, сохранившими верность Карлу X, пыталась на площади Людовика XV выступить на его защиту. Отказавшись служить Июльской монархии, он вынужден был покинуть школу. В течение нескольких недель он считался в числе партизанов, собравшихся в Вандее вокруг герцогини Беррийской». Не сообщая более подробных сведений об участии Дантеса в Вандейском восстании, руководимом герцогиней Беррийской, г. *Метман* едва ли не повторяет здесь известные и ранее смутные слухи об этом участии, не имея других источников. Более определенных указаний на этот факт из биографии Дантеса мы не встречали.

После вандейского эпизода барон Жорж Дантес вернулся в Зульц к отцу. Его он нашел «глубоко удрученным политическим переворотом, разрушившим законную монархию, которой его род служил столько же в силу расположения, сколько в силу традицию».

О жизни Дантеса в лоне семьи его биограф сообщает: «На другой день после революции, рассеявшей все его надежды, молодой человек живого и независимого характера, каким был Жорж Дантес, не мог найти приложения своим склонностям в открывавшемся ему монотонном провинциальном существовании. Смерть баронессы Дантес в 1832 году усилила уныние родного очага. Жорж Дантес, которого отделяли от тогдашнего правительства политические взгляды его семьи, решил искать службы за границей, – по обычаю, в то время распространенному». Но из монотонного провинциального существования выталкивали Дантеса скорее всего обстоятельства чисто материального характера. Июльская революция не только разрушила законную монархию, но и сильно подорвала материальное благополучие семьи Дантесов. На руках Дантеса была огромная семья в шесть человек. Старшая дочь была замужем, но Июльская революция лишила ее мужа средств к существованию, и отцу приходилось содержать ее с мужем. У него же жила старшая его сестра, вдова графа Бель-Иля, с пятью детьми. Карл X назначил ей пенсию по 6000 франков, но революция отняла ее. Приходилось тратиться на учение детей: второй его сын Альфонс и младшая дочь учились в Страсбурге. А прибыли барона Жозефа-Конрада Дантеса были невелики. Были долги и 18–20 тысяч франков ренты⁵. При таком положении дел мог явиться обузой и не кончивший курса сен-сирец, к тому же заявивший себя участником в демонстрациях против существовавшего правительства. Ему, действительно, надо было искать счастья и удачи на стороне; надо было собираться в отъезд.

³ Об этом свидетельствует сохранившееся в архиве барона Геккерена письмо к отцу Дантеса от 20 ноября 1828 г.

⁴ Eugene Titeux. Saint-Cyr et l'école spéciale militaire en France. Paris, 1898, p. 293–298.

⁵ Данные о материальном положении Дантесов – в письмах старшего Дантеса к Геккерену.

Проще всего было бы устроиться в Германии, где у него было много немецких родственников. Через них он нашел покровительство у прусского принца Вильгельма. Его готовы были принять, благодаря такой протекции, в военную службу, но в чине унтер-офицера, а это звание казалось неподходящим не кончившему курса в Сен-Сирской военной школе: ему хотелось сразу стать офицером, и дело со службой в прусских войсках не устроилось. Тогда прусский принц дал Дантесу добрый совет ехать в Россию и здесь искать своего счастья. Принц оказал активную поддержку молодому Дантесу и дал ему рекомендательное письмо в Россию. Этот принц прусский Вильгельм (1797–1888), позднее Вильгельм, император германский (с 1861 г.) и король прусский, был в интимно-близких, родственных отношениях к русскому императору Николаю Павловичу: он был женат на его родной племяннице. Письмо принца было адресовано генерал-майору Адлербергу. Владимир Федорович Адлерберг (1790–1884; с 1847 г. граф), один из приближеннейших к Николаю Павловичу людей, в 1833 году занимал пост директора Канцелярии военного министерства. В архиве Геккеренов хранится и по сей день письмо адъютанта прусского принца следующего содержания: «Его Королевское Высочество Принц Вильгельм Прусский, сын короля, поручил мне передать Вам прилагаемое здесь письмо к генерал-майору Адлербергу». Письмо датировано 6 октября 1833 года в Берлине. Дантес получил его здесь на руки, по пути в Россию. Одного этого письма было достаточно для того, чтобы Дантес мог питать самые пылкие надежды на успех своего путешествия. Кроме того, он, быть может, имел в виду использовать и связи отдаленного свойства с графиней Мусиной-Пушкиной, приходившейся ему двоюродной бабушкой.

Чего только не приводили в объяснение блестящей жизненной карьеры Дантеса, на какие только положения и обстоятельства не ссылались современники, а за ними и все биографы Пушкина, писавшие о Дантесе, не имея фактических данных и испытывая потребность объяснить карьеру Дантеса. Одни утверждали, что Геккерен – побочный сын короля голландского; другие – что он был особо отрекомендован Николаю Павловичу Карлом X⁶ и т. п. Наконец, пущен был в ход рассказ о случайной, а на самом деле подстроенной встрече Николая Павловича в мастерской французского художника с Дантесом и о глубоком впечатлении, которое последний произвел на русского государя.

В действительности ходатайство и рекомендация принца Вильгельма были самым лучшим свидетельством в пользу Дантеса в глазах императора Николая Павловича. К тому же молодой барон говорил сам за себя: он был легитимистом, манифестировал во имя Карла X, был в рядах повстанцев под знаменем герцогини Беррийской. Известно, как Николай Павлович ценил принцип легитимизма и как он покровительствовал легитимистам разных оттенков. Недаром французские легитимисты прибегали не раз к покровительству русского императора. Так в 1832 году граф Рошешуар искал поддержки планам Карла X и герцогини Беррийской при дворах нидерландском и русском: при первом он имел аудиенции у супруги наследного принца Анны Павловны, при втором имел конспиративные свидания с графом Нессельроде, Бенкендорфом и передал письмо герцогини русскому императору. И он был встречен сочувственно⁷.

Без сомнения, одной рекомендации Вильгельма Прусского было бы достаточно для наилучшего устройства Дантеса в России. Но Дантес был исключительно счастливый человек. Во время своего путешествия по Германии Дантес не только заручился драгоценным письмом Вильгельма, но и снискал покровительство, которое оказалось для него в Петербурге полезным в высшей степени: он встретил барона Геккерена, голландского посланника при русском дворе, и завоевал его расположение. Вместе с Геккереном он въехал в Россию.

⁶ Известие о том, что Дантес был рекомендован Карлом X Николаю Павловичу, идет из осведомленного источника – от Р. Е. Гринвальда, командовавшего Кавалергардским полком («Vier Sohne eines Hauses», I, 204; см. *Панчупидзев*, назв. соч., 76). По-видимому, здесь просто смешение: покровительство Вильгельма было отнесено к Карлу X.

⁷ Comte de Rochechouart. Souvenirs sur la Revolution, l'Empire et la Restauration. Paris, Plon-Nourrit, 1889.

Необходимо сказать несколько слов о Геккерене, которому суждено было играть такую видную и незавидную роль в истории последней дуэли Пушкина.

Сын майора от кавалерии Эверта-Фридриха барона ван-Геккерена (1755–1831) и Генриетты-Жанны-Сузанны-Марии графини Нассау, барон Геккерен де-Бевеерваард (полное его имя – Jacob-Theodore-Borhardt Anne Baron von Heeckeren de Beverwaard) принадлежал к одной из древнейших голландских фамилий⁸. Родился он 30 ноября 1791 года. По словам Метмана, Геккерен начал свою службу в 1805 году добровольцем во флоте. Тулон был первым портом, к которому было приписано его судно. Пребывание на службе у Наполеона оставило в Геккерене самые живые симпатии к французским идеям. В 1815 году было призвано к существованию независимое Королевство Нидерландское (Бельгия и Голландия), и Геккерен переменял род службы: из моряка стал дипломатом и был назначен секретарем нидерландского посольства в Стокгольме. В 1823 году он уже находился в Петербурге: в этом году нидерландский посланник при русском дворе Верстолк ван-Зелен выехал из Петербурга, а в отправление должности поверенного в делах вступил, 26 марта 1823 года, барон Геккерен. Через три года, представив 26 марта 1826 года верительные грамоты, он стал посланником или полномочным министром нидерландским в Петербурге. За свое долговременное пребывание в России Геккерен упрочил свое положение и при дворе и в петербургском свете. В 1833 году, отъезжая в продолжительный отпуск, он удостоился награды: государь пожаловал ему орден св. Анны 1-й степени как свидетельство своего высокого благоволения и как знак удовольствия по поводу отличного исполнения им обязанностей посланника. Среди дипломатов, находившихся в середине 1830–Х годов в Петербурге, барон Геккерен играл видную роль: по крайней мере, княгиня Ливен, описывая в письме к Грею петербургских дипломатов, отмечает только двух «gens d'esprit» – барона Фикельмона и Геккерена⁹.

Таковы внешние, «формулярные», данные о Геккерене. Следует сказать несколько слов и о его личности. Не случись роковой дуэли, история, несомненно, не сохранила бы и самого его имени – имени человека среднего, душевно-мелкого, каких много в обыденности! Но прикосновенность к последней пушкинской дуэли выдвинула из исторического небытия его фигуру. Современники единодушно характеризуют нравственную личность Геккерена с весьма нелестной стороны. Надо, конечно, помнить, что все эти характеристики созданы после 1837 года и построены исключительно на основании толков и слухов о роли Геккерена в истории дуэли. Поэтому в этих суждениях о личности Геккерена слишком много непроверенных, огульных обвинений и эпитетов – один другого страшнее. Любопытно отметить, что ни князь Вяземский, ни В. А. Жуковский – друзья Пушкина и ближайшие свидетели всех событий – не оставили характеристики Геккерена, но, помянув его имя, не обнаружили того стремления сгустить краски, которое проникает все отзывы современников. Приведем отзыв Н. М. Смирнова, мужа близкой приятельницы Пушкина, известной А. О. Смирновой: «Геккерен был человек злой, эгоист, которому все средства казались позволительными для достижения своей цели, известный всему Петербургу злым языком, перессоривший уже многих, презираемый теми, которые его проникли». Если Геккерен и был таков, то «проникших» его до рокового исхода дела было всего-навсего один человек, а этот человек был Пушкин.

Любопытную характеристику Геккерена дает барон Торнау, имевший возможность наблюдать его среди венских дипломатов в 1855 году: «Геккерен, несмотря на свою известную бережливость, умел себя показать, когда требовалось сладко накормить нужного человека.

⁸ Фактические сведения о Геккерене даны в *моей* статье («Пушкин», с. 340), в статье Н. В. Чарькова «Известия о дуэли Пушкина, имеющиеся в Голландии» («Пушкин и его современники», вып. XI, с. 71–72) и в статье Метмана в настоящей книге (ч. 2, отд. VI). Не все сведения, сообщаемые последним, верны. Так, он называет Геккерена le demier-пё, тогда как У него был младший брат, потомство которого владеет в настоящее время, по свидетельству Н. В. Чарькова, родовым именем Геккеренов-Бевеерваард.

⁹ См.: «Correspondence of Princess Lieven and Earl Gray», ed. and transl. by Guy le Strange. Vol. III, Lond. 1890, p. 22.

В одном следовало ему отдать справедливость: он был хороший знаток в картинах и древностях, много истратил на покупку их, менял, перепродавал и всегда добивался овладеть какою-нибудь редкостью, которую потом любил дразнить других, знакомых ему собирателей старинных вещей. Квартира его была наполнена образцами старинного изделия и между ними действительно не имелось ни одной вещи неподлинной. Был Геккерен умен; полагаю, о правде имел свои собственные, довольно широкие понятия, чужим прегрешениям спуска не давал. В дипломатическом кругу сильно боялись его языка и хотя недолго любили, но кланялись ему, опасаясь от него злого словца»¹⁰.

Из всех характеристик Геккерена принадлежащая барону Торнау – наиболее бесстрастная, наиболее удаленная от пушкинского инцидента в жизни Геккерена, но и это его изображение сохранило отталкивающие черты оригинала. В нашей работе собраны письменные высказывания барона Геккерена, неизвестные ранее, и сделана попытка фактического выяснения его роли в истории дуэли. На основании этих объективных данных можно будет восстановить образ Геккерена. Крепкий в правилах светского тона и в условной светской нравственности, но морально неустойчивый в душе; себялюбец, не останавливающийся и перед низменными средствами в достижениях; дипломат консервативнейших по тому времени взглядов, неспособный ни ценить, ни разделять передовых стремлений своей эпохи, не увидавший в Пушкине ничего, кроме фрондирующего камер-юнкера; человек духовно ничтожный, пустой – таким представляется нам Геккерен.

Как и когда произошло знакомство и сближение Геккерена и Дантеса? Осенью 1833 года голландский посланник возвращался из продолжительного отпуска к месту своего служения в Петербург. Как раз в это время в поисках счастья и чинов совершал свое путешествие и Дантес. «Дантес серьезно заболел проездом в каком-то немецком городе; вскоре туда прибыл барон Геккерен и задержался долее, чем предполагал. Узнав в гостинице о тяжелом положении молодого француза и о его полном одиночестве, он принял в нем участие, и, когда тот стал поправляться, Геккерен предложил ему присоединиться к его свите для совместного путешествия; предложение радостно было принято». Так рассказывает А. П. Арапова, дочь вдовы Пушкина от второго ее брака. Источником ее сведений является позднейший рассказ самого Дантеса одному из племянников своей жены, т. е. одному из братьев Гончаровых¹¹.

¹⁰ Воспоминания барона Ф. Торнау – «Истор. вестн.», 1897 г., кн. 1, январь, с. 66.

¹¹ Нам известны два повествования А. П. Араповой об обстоятельствах последней дуэли Пушкина. Одна запись была предназначена для С. А. Панчулидзева, историка Кавалергардского полка, и использована им в биографии Дантеса. Другая, позднейшая и пространныйшая, запись предназначалась для печати и была помещена в приложениях к «Новому времени» в декабре 1907 и январе 1908 гг. (№s 11406, 11409, 11413, 11416, 11421, 11425, 11432, 11435, 11442, 11446, 11449). Первая запись, с которой мы знакомы по отрывкам, приведенным С. А. Панчулидзевым, носит деловой характер, написана сжато, без художественных прикрас и лишних подробностей. Вторая запись готова перейти из области мемуарной литературы в область беллетристики. Для сравнения приводим по этой записи рассказ о встрече Дантеса с Геккереном: «Проезжая по Германии, он простудился; сначала он не придавал этому значения, рассчитывая на свою крепкую, выносливую натуру, но недуг быстро развился, и острое воспаление приковало его к постели в каком-то маленьком захолустном городе. Медленно потянулись дни с грозным признаком смерти у изголовья брошенного на чужбине путешественника, который уже с тревогой следил за быстрым таянием скудных средств. Помощи ждать было неоткуда, и вера в счастливую звезду покидала Дантеса. Вдруг в скромную гостиницу нахлынуло необычайное оживление. Грохот экипажей сменился шумом голосов; засуетился сам хозяин, забегали служанки. Это оказался поезд нидерландского посланника, барона Геккерена (d'Hekeren), ехавшего на свой пост при русском дворе. Поломка дорожной берлины вынуждала его на продолжительную остановку. Во время ужина, стараясь как-нибудь развлечь или утешить своего угрюмого, недовольного постояльца сопоставлением несчастий, словоохотливый хозяин стал ему описывать тяжелую болезнь молодого одинокого француза, уже давно застрявшего под его кровом. Скуки ради, барон полюбопытствовал взглянуть на него, и тут у постели больного произошла их первая встреча. Дантес утверждал, что сострадание так громко заговорило в сердце старика при виде его беспомощности, при виде его изнуренного страданием лица, что с этой минуты он уже не отходил более от него, проявляя заботливый уход самой нежной матери. Экипаж был починен, а посланник и не думал об отъезде. Он терпеливо дождался, когда восстановление сил позволило продолжать путь, и, осведомленный о конечной цели, предложил молодому человеку присоединиться к его свите и под его покровительством въехать в Петербург. Можно себе представить, с какой радостью это было принято!»

Биограф Дантеса Луи Метман ограничивается глухим сообщением: «Дантес имел счастливый случай встретить барона Геккерена. Последний, привлеченный находчивостью и прекрасной внешностью Жоржа Дантеса, заинтересовался им и вошел в постоянную переписку с его отцом, который высказывал живейшую признательность за покровительство, сослужившее свою пользу как в военной карьере, так и в светских отношениях сына».

Луи Метман подыскивает объяснения увлечению Геккерена: голландский посланник, начавший свою службу во Франции, питал склонность к идеям французской культуры. Его юношеская дружба с герцогом Роган-Шабо (умер в 1833 году в сане Безансонского архиепископа) дала толчок религиозному перевороту. Геккерен принял католичество, и этот поступок уединил его и отдалил от его протестантской родни. Наконец, Луи Метман упоминает и об отдаленном свойстве, которое могло существовать между бароном Геккереном и рейнскими фамилиями, с которыми Дантес был в родстве по отцу и матери. В русской литературе о Дантесе нередко встречается утверждение о родстве его с бароном Геккереном в разных степенях близости вплоть до объявления Дантеса побочным сыном посланника. Родства никакого не было; при тщательном разборе, быть может, можно установить отдаленнейшие линии свойства. Во всяком случае, до сближения с Дантесом Геккерен не был даже знаком с отцом и семьей Дантеса¹². Но тут даже не свойство, а тень свойства.

Современники, реально настроенные, старались подыскать чисто реальные основания близости Геккерена и Дантеса, и выставленные ими основания были двух порядков: естественного и противоестественного. В русской литературе на все лады повторялось утверждение о родстве Геккерена с Дантесом и указывались разные степени родственной близости. Нередко современники заявляли о том, что Дантес доводился барону Геккерену просто-напросто побочным сыном. Фактических данных для подобного заявления не имеется, а на основании документов, опубликованных в нашей книге, можно категорически утверждать неверность всех сообщений о родстве Геккерена и Дантеса. Объяснение порядка, так сказать, противоестественного сводилось к утверждению, что посланник был близок к молодому французу по особенному – извращенной близостью мужчины к мужчине¹³.

Как бы там ни было, отношения Геккерена к Дантесу, поскольку они засвидетельствованы его письмами и фактической историей, проникнуты необычайной заботливостью и нежностью. Поистине он был отцом родным Дантесу, и Дантес-отец сам признавал это и неоднократно выражал Геккерену свою глубокую признательность о сыне.

Но возвратимся к истории Дантеса. Рекомендательное письмо прусского принца было вручено Дантесу 6 октября (нов. ст.) 1833 года, и, вероятно, без замедления Дантес проследовал в Петербург. В хронике «Санкт-петербургских ведомостей» за 11 октября 1833 года читаем: «Пароход «Николай I», совершив свое путешествие в 78 часов, 8-го сего октября прибыл в Кронштадт с 42 пассажирами, в том числе королевский нидерландский посланник барон Геккерен». А с ним вместе «Николай I» привез и Дантеса.

На первых порах Дантес поселился в Английском трактире на Галерной улице.

Рекомендация была доставлена им по назначению и произвела должное действие. О Дантесе было доложено государю, и Адлерберг обнаружил большое расположение к ученику Сен-Сирской школы и оказал ему мощное содействие в деле экзаменов.

Он подыскал ему профессоров, которые должны были «натаскать» молодого сен-сирца по военным предметам, заручился поддержкой самого нужного в этом деле человека – Ивана Онуфриевича Сухозанета, в это время занимавшего должности члена военного совета, директора Пажеского, всех сухопутных корпусов и Дворянского полка и члена военно-учебного комитета. В архиве барона Геккерена хранятся два письма Адлерберга к Дантесу. В первом, от

¹² Неверны и наши сообщения о родстве Дантеса и Геккерена в книге «Пушкин», с. 344.

¹³ См. свидетельство князя А. В. Трубецкого в VIII отделе второй части нашей книги.

23 ноября 1833 года, Адлерберг писал: «Внезапный отъезд, которого я не мог предвидеть, когда видел вас, мой дорогой барон, поставил меня в невозможность завязать условленные сношения с профессорами, которые должны руководить вашей подготовкой к экзамену; я искренно огорчился бы, если бы не был убежден, что генерал Сухозанет возьмет целиком на себя одного это дело, часть которого он уже взял. Если бы случайно он оказался не в состоянии сделать это, то нужно будет, дорогой барон, вам потерпеть до моего возвращения, и вы ничего не потеряете, так как мое отсутствие не продолжится больше двух недель». А 5 января 1834 года Дантес получил следующую примечательную записку от Адлерберга: «Генерал Сухозанет сказал мне сегодня, дорогой барон, что он рассчитывает подвергнуть вас экзамену сейчас же после Крещения и что он надеется обделать все в одно утро, если только всем профессорам можно будет быть одновременно свободными. Генерал уверил меня, что он уже велел узнать у г. Геккерена, где вас найти, чтобы уведомить вас о великом дне, когда он будет фиксирован; вы хорошо сделаете, если повидаете его и попросите у него указаний. Он обещал мне не быть злым, как вы говорите; но не полагайтесь слишком на это, не забывайте повторять то, что вы выучили. Желаю вам удачи. Ваш Адлерберг». В этой записке имеется еще любопытнейшая приписка: «Император меня спросил, знаете ли вы русский язык? Я ответил наудачу утвердительно. Я очень бы посоветовал вам взять учителя русского языка».

По высочайшему повелению 27 января 1834 года барон Дантес был допущен к офицерскому экзамену при Военной академии по программе школы гвардейских юнкеров и подпорщиков, причем он был освобожден от экзаменов по русской словесности, уставу и военному судопроизводству. Экзамены Дантес выдержал, и 8 февраля был отдан высочайший приказ о зачислении его корнетом в Кавалергардский полк. А в приказе по Кавалергардскому полку 14 февраля 1834 года было отдано: «Определенный на службу по высочайшему приказу, отданному в 8 день сего февраля и объявленному в приказе по Отдельному гвардейскому корпусу 11 числа за № 20, бывший французский королевский воспитанник военного училища Сент-Сир барон Дантес в сей полк корнетом зачисляется в списочное состояние, с записанием в 7-й запасный эскадрон, коего и числить в оном налицо»¹⁴.

Каким-то темным предчувствием веет от записи в дневнике, сделанной Пушкиным 26 января 1834 года: «Барон Дантес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию офицерами. Гвардия ропщет».

¹⁴ Пачулидзе, назв. соч., с. 76.

2

Из приведенного выше письма Адлерберга, писанного 5 января 1834 года, т. е. три месяца спустя после приезда Дантеса в Петербург, видно, что барон Геккерен являлся уже признанным покровителем Дантеса. Действительно, он выказал самую деятельную заботливость о молодом французе, хлопотал о помещении его на службу, заботился об его экзаменах, устраивал ему светские и сановные знакомства и, наконец, оказал ему самую широкую материальную поддержку. Дантес сообщил своему отцу в Зульц о добром к нему отношении Геккерена, а Дантес-старший поспешил высказать свои чувства в письме к Геккерену: «Я не могу в достаточной мере засвидетельствовать Вам всю мою признательность за все то добро, которое Вы сделали для моего сына; надеюсь, что он заслужит его. Письмо Вашего Превосходительства меня совершенно успокоило, потому что я не могу скрыть от Вас, что я беспокоился за его судьбу. Я боялся, как бы он, с его доверчивым и распушенным характером, не наделал вредных знакомств, но, благодаря Вашей благосклонности, благодаря тому, что Вы пожелали взять его под свое покровительство и выказать ему дружеское расположение, я спокоен. Я надеюсь, что его экзамен сойдет хорошо, так как он был принят в Сен-Сир четвертым по порядку (из 180 принятых вместе с ним)... Я принимаю с благодарностью предложение Вашего Превосходительства выдать ему на первые расходы по его экипировке и прошу Вас сообразованно сообщить мне сумму Ваших издержек, дабы я мог вернуть их Вам. Доброе расположение Вашего Превосходительства дает мне право войти в подробности, которые покажут Вам все, что я могу сделать в настоящий момент для моего сына». Далее Дантес-отец говорит о своем материальном положении. Сын просил отца выдавать ему 800–900 франков ежемесячно, но для отца такая выдача была не по силам. Он мог ему дать всего 200 франков. Эта сумма вместе с жалованьем превосходила, по мнению отца, в три раза ту сумму, с которой можно было обойтись на французской службе. Если бы понадобилось, то с напряжением он мог бы еще увеличить выдачу, но лишь на время. Наконец, отец Дантеса согласился и еще на некоторые жертвы, если бы сын его попал в гвардию. Получив известие о зачислении сына в Кавалергардский полк, Дантес пишет восторженное письмо барону Геккерену: «Я сейчас узнал от Жоржа о его назначении и о том, что Вы сообразовали для него сделать. Я не могу в достаточной мере выразить Вам мою благодарность и засвидетельствовать всю мою признательность. Жорж обязан своей будущностью только Вам, господин барон, – он смотрит на Вас, как на своего отца, и я надеюсь, что он будет достоин такого отношения. Единственное мое желание в этот момент – иметь возможность лично засвидетельствовать Вам всю мою признательность, так как со времени смерти моей жены это – первая счастливая минута, которую я испытал... Я спокоен за судьбу моего сына, которого я всецело уступаю Вашему Превосходительству...» Когда Дантес-отец писал последнюю фразу, он говорил просто из вежливости и вряд ли имел в виду реальное значение этих слов и уж наверно не думал, что через два года он действительно уступит своего сына барону Геккерену.

В действительности расположение и любовь барона Геккерена к Дантесу росли с каждым днем все больше и крепче. Можно сказать, что барон Геккерен души не чаял в молодом офицере, заботясь о нем с исключительной нежностью и предусмотрительностью. Родитель Дантеса и его семья не усматривали ничего странного в преданности барона Геккерена Жоржу. В 1834 году Дантес-старший имел возможность лично познакомиться с голландским посланником, который, путешествуя в Париж, нашел время заглянуть в Эльзас, на родину Жоржа. С течением времени у барона Геккерена возникла и окрепла мысль легализовать отношения, существовавшие между ним и Дантесом: он решил его усыновить; очевидно, неоднократно он доводил об этом до сведения Дантеса-старшего и, наконец, в начале 1836 года сделал отцу Дантеса формальное предложение дать согласие на усыновление им его сына. Дантес не уди-

вился и согласился. Письмо его весьма любопытно, и некоторые выдержки из него необходимы для обрисовки взаимных отношений этих трех лиц.

«С чувством живейшей благодарности пользуюсь я случаем побеседовать с Вами о том предложении, которое Вы были добры делать мне столько раз, – об усыновлении Вами сына моего Жоржа-Шарля Дантеса и о передаче ему по наследству Вашего имени и Вашего состояния.

Много доказательств дружбы, которую Вы не перестали высказывать мне столько лет, было дано мне Вами, г. барон, это последнее как бы завершает их; ибо этот великодушный план, открывающий перед моим сыном судьбу, которой я не в силах был создать ему, делает меня счастливым в лице того, кто для меня на свете всех дороже.

Итак, припишите исключительно лишь крепости уз, соединяющих отца с сыном, то промедление, с которым я изъясляю вам мое подлинное согласие, уже давно жившее в моем сердце. В самом деле, следя внимательно за тем ростом привязанности, которую внушил Вам этот ребенок, видя, с какою заботливостью Вы пожелали блюсти его, пецись о его нуждах, словом, окружать его заботами, не прекращавшимися ни на минуту до настоящего момента, когда Ваше покровительство открывает перед ним поприще, на котором он не может не отличиться, – я сказал себе, что эта награда вполне принадлежит Вам и что моя отцовская любовь к моему ребенку Должна уступить такой преданности, такому великодушию.

Итак, г. барон, я спешу уведомить Вас о том, что с нынешнего Дня я отказываюсь от всех моих отцовских прав на Жоржа-Шарля Дантеса и одновременно даю Вам право усыновить его в качестве Вашего сына, заранее и вполне присоединяясь ко всем шагам, которые Вы будете иметь случай предпринять для того, чтобы это Усыновление получило силу пред лицом закона».

5 мая (нов. ст.) 1836 года формальности усыновления были завершены королевским актом – и барон Жорж Дантес превратился в барона Геккерена. 4 июня генерал-адъютант Адлерберг довел до сведения вице-канцлера о соизволении, данном императором Николаем Павловичем на просьбу посланника барона Геккерена об усыновлении им поручика барона Дантеса, «с тем, чтобы он именуем был впредь вместо нынешней фамилии бароном Георгом-Карлом Геккереном»¹⁵. Соответствующие указания на этот счет были даны правительствующему сенату и командиру Отдельного гвардейского корпуса.

К этому времени Дантес уже совершенно акклиматизировался в Петербурге и пустил прочные корни в высшем свете.

Служебное положение Дантеса тоже сильно укрепилось, несмотря на то, что он оказался неважным служакой. Хотя в формуляре его и значится, что он «в слабом отправлении обязанностей по службе не замечен и неисправностей между подчиненными не допускал», но историк Кавалергардского полка и биограф Дантеса, на основании данных полкового архива, пришел к иному заключению. «Дантес, по поступлении в полк, оказался не только весьма слабым по фронту, но и весьма недисциплинированным офицером; таким он оставался в течение всей своей службы в полку: то он «садится в экипаж» после развода, тогда как «вообще из начальников никто не уезжал», то он на параде, «как только скомандовано было полку вольно, позволил себе курить сигару»; то на линейку бивака, вопреки приказанию офицерам не выходить иначе, как в колетах или сюртуках, выходит в шлафроке, имея шинель в накидку». На учении слишком громко поправляет свой взвод, что, однако, не мешает ему самому «терять дистанцию» и до команды «вольно» сидеть «совершенно распутившись» на седле; «эти упущения Дантес совершает не однажды, но они неоднократно наперед сего замечаемы были». Мы не говорим уже об отлучках с дежурства, опаздывании на службу и т. п. 19 ноября 1836 года отдано было в

¹⁵ См. «Дело об усыновлении» и т. д. в книге «Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архива министерства иностранных дел». СПб., 1900.

полковом приказе: «Неоднократно поручик барон де Геккерен подвергался выговорам за неисполнение своих обязанностей, за что уже и был несколько раз наряжаем без очереди дежурным при дивизионе; хотя объявлено вчерашнего числа, что я буду сегодня делать репетицию ординарцам, на коей и он должен был находиться, но не менее того... на оную опоздал, за что и делаю ему строжайший выговор и наряжаю дежурным на пять раз». Число всех взысканий, которым был подвергнут Дантес за три года службы в полку, достигает цифры 44¹⁶.

Все эти неисправности не помешали движению Дантеса по службе. Мы знаем уже, что при назначении он получил чин корнета и зачислен был, при вступлении в полк, в 7-й, запасный, батальон. Перевод его в действующий батальон несколько задержался, так как к положенному для перевода из запасной части сроку Дантес еще не знал русского языка. Кажется, русского языка, как следует, Дантес так и не изучил. 28 января 1836 года Дантес был произведен в поручики, и на этом кончились его повышения на русской службе.

Блистательно складывались дела Дантеса в обществе, или, вернее, в высшем свете. Введенный туда бароном Геккереном, молодой француз быстро завоевал положение: он считался «l'un des plus beaux chevaliers gardes et l'un des hommes le plus a la mode» (Одним из самых красивых кавалергардов и одним из самых модных людей (фр.)). Своими успехами он обязан был и покровительству Геккерена и собственным талантам. Красивый, можно сказать, блестяще красивый кавалергард, веселый и остроумный собеседник внушал расположение к себе. Этому расположению не мешала даже некоторая самоуверенность и заносчивость.

Отзывы современников не в отталкивающем освещении рисуют Дантеса.

Полковой командир Гринвальд отзывался о Дантесе как о ловком и умном человеке, обладавшем злым языком. Его остроты сместили молодых офицеров. Несколько таких острот сохранил в своих воспоминаниях А. И. Злотницкий, вступивший в полк спустя несколько лет после трагической истории: «Дантес, – по его словам, – видный, очень красивый, прекрасно воспитанный, умный, высшего общества светский человек, чрезвычайно ценимый, как это я видел за границей, русской аристократией. И великому князю Михаилу Павловичу нравилось его остроумие, и потому он любил с ним беседовать. В то время командир полка Гринвальд обыкновенно приглашал всех четырех дежурных по полку к себе обедать. Однажды во время обеда висевшая лампа упала и обрызгала стол маслом. Дантес, вышедши из дома генерала, шутя сказал: «Гринвальд nous fait manger de la vache enragee assai sonnee d'huile de lampe» (Игра слов, основанная на созвучии выражений manger la vache (есть говядину) и manger la vache enragee (терять надежду). Буквально: «Он нас заставил есть бешеную говядину, приправленную лампадным маслом» (фр.)). Генерал Гринвальд, узнав об этом, перестал приглашать дежурных к себе обедать».

В воспоминаниях полкового товарища Дантеса Н. Н. Пантелеева Дантес остался с эпитетом «заносчивого француза»¹⁷.

Другой полковой товарищ, князь А. В. Трубецкой, отзывался о Дантесе следующим образом: «Он был статен, красив; как иностранец, он был пообразованнее нас, пажей, и, как француз, – остроумен, жив. Отличный товарищ».

В полку Дантес пользовался полными симпатиями своих товарищей, и они доказали ему свою любовь, приняв решительно сторону Дантеса против Пушкина после злосчастного поединка.

За свое остроумие Дантес пользовался благоволением великого князя Михаила Павловича, который считался изрядным остряком своего времени и круга и любил выслушивать остроты и каламбуры. Даже трагический исход дуэли Пушкина не положил предела их обще-

¹⁶ С. А. Панчулидзева, назв. соч., с. 77.

¹⁷ Отзывы Гринвальда, Пантелеева и Злотницкого приведены у С. А. Панчулидзевой, назв. соч., с. 77.

ния на почве каламбуров. После высылки из России Дантес встретился с Михаилом Павловичем в Баден-Бадене и увеселил его здесь своими шутками и дурачествами¹⁸.

По словам К. К. Данзаса, бывшего секундантом Пушкина, Дантес, «при довольно большом росте и приятной наружности, был человек не глупый, и хотя весьма скудно образованный, но имевший какую-то врожденную способность нравиться всем с первого взгляда... Дантес пользовался хорошей репутацией и заслуживал ее, если не ставить ему в упрек фатовство и слабость хвастать своими успехами у женщин»¹⁹.

Вот отзыв о Дантесе Н. М. Смирнова, мужа известной Александры Осиповны, – человека, отнюдь не благорасположенного к нему: «Красивой наружности, ловкий, веселый и забавный, болтливый, как все французы, он был везде принят дружески, понравился даже Пушкину, дал ему прозвание *Pacha a trois queues* (Трехбунчужный паша; *фр.*), когда однажды тот приехал на бал с женою и ее двумя сестрами»²⁰.

Этих данных вполне достаточно для объяснения светского успеха Дантеса, но он был еще и прельстителем. «Он был очень красив, – говорит князь А. В. Трубецкой, – и постоянный успех в дамском обществе избаловал его: он относился к дамам вообще, как иностранец, смелее, развязнее, чем мы, русские, и, как избалованный ими, требовательнее, если хотите, нахальнее, наглее, чем даже было принято в нашем обществе». По отзыву современника-наблюдателя, «Дантес возымел великий успех в обществе; дамы вырывали его одна у другой»²¹.

В свете Дантес встретился с Пушкиным и его женой. Наталья Николаевна Пушкина, затмевая всех своей красотой, блистала в петербургском свете и произвела на Дантеса сильнейшее впечатление. Роковое увлечение Дантеса завершилось роковым концом – поединком и смертью Пушкина.

¹⁸ Об отношении великого князя Михаила Павловича к Дантесу см. рассказ *П. И. Бартенева*, «Русск. арх.», 1888, II, с. 300. Уезжая поневоле из России, Дантес заявлял, что «по приезде в Баден он тотчас явится к великому князю Михаилу Павловичу» (*В. В. Никольский*. Идеалы Пушкина. Изд. 3-е... СПб., 1899, с. 132).

¹⁹ А. Аммосов. Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина. СПб., 1863. с. 5, 8.

²⁰ «Русск. арх.», 1882, I, с. 233.

²¹ Там же, 1878, I, с. 455.

3

На личности Натальи Николаевны мы должны остановиться. В нашу задачу не входит подробное изображение семейной жизни Пушкина; здесь важно отметить лишь некоторые моменты и подробности семейной истории Пушкина, не в достаточной, быть может, мере привлекавшие внимание исследователей²². Для нас же они важны с точки зрения освещения семейного положения Пушкина в конце 1836 года. Обстоятельствами семейными объясняется многое в душевном состоянии Пушкина в последние месяцы его жизни.

Поразительная красота шестнадцатилетней барышни Натальи Гончаровой приковала взоры Пушкина при первом же ее появлении в 1828 году в большом свете Первопрестольной. «Когда я увидел ее в первый раз, – писал Пушкин в апреле 1830 года матери Натальи Николаевны, – ее красота была едва замечена в свете: я полюбил ее, У меня голова пошла кругом»²³. Но красота Натальи Гончаровой очень скоро была высоко оценена современниками. О ней и об д. В. Алябьевой шумела молва, как о первых московских красавицах. Пушкин, желая похвалить эстетические вкусы князя Н. Б. Юсупова, в известном послании «К вельможе» (дата – 23 апреля 1829 года) писал:

Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой.

Князь П. А. Вяземский сравнивал красоту Алябьевой *avec une beauté classique*, а красоту Гончаровой *avec une beauté romantique* и находил, что Пушкину, первому романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице.

История женитьбы Пушкина известна. Бракосочетанию предшествовал долгий и тягостный период сватовства, ряд тяжелых историй, неприятных столкновений с семьей невесты. Налаженное дело несколько раз висело на волоске и было накануне решительного расстройств. Приятель Пушкина С. Д. Киселев в письме Пушкина к Н. С. Алексею от 26 декабря 1830 года сделал любопытную приписку, – конечно, не без ведома автора письма: «Пушкин женится на Гончаровой, – между нами сказать, – на бездушной красавице, и мне сдается, что он бы с удовольствием заключил отступной трактат»²⁴. И когда до свадьбы оставалось всего два дня, «в городе опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходитя». А. Я. Булгаков, сообщивший это известие своему брату в Петербург, добавлял: «Я думаю, что и для нее (т. е. Гончаровой), и для него лучше было бы, кабы свадьба разошлась»²⁵. Сам Пушкин был далеко не в радужном настроении перед бракосочетанием. «Мне за 30 лет, – писал он Н. И. Кривцову за неделю до свадьбы. – В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю, как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого оча-

²² В последнее время история семейной жизни Пушкина изложена П. О. Морозовым – Сочинения Пушкина. Редакция С. А. Венгерова. Изд. Брокгауза – Ефрона, т. IV, с. 201–225. См. еще статью П. В. Засодимского «Чем была для Пушкина женитьба» («Наблюдатель», 1888, декабрь, с. 338–382) и возражение А. Новицкого на эту статью, под тем же заголовком, в «Русск. арх.», 1889, III, 124–130; статью Е. Поселянина «Несчастье Пушкина» («Московские ведомости», 28 мая 1899 года); исследование Н. Ф. Сумцова – Комментарии к стихотворению «Красавица» (в книге «А. С. Пушкин. Исследования проф. Н. Ф. Сумцова». Харьков, 1900, с. 243–252). Сравн. также очерк И. Филитова «Стихи Н. Н. Пушкиной» (в книге «Неумирающие темы». Одесса, 1913, с. 20–28). Не цитируем и не упоминаем, за незначительностью, многих и многих заметок и статей о семейной жизни Пушкина.

²³ Переписка, II, № 425, с. 130.

²⁴ Переписка, II, 429, с. 139.

²⁵ Переписка, II, № 500, с. 204.

рования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью»²⁶.

Свадьба состоялась 18 февраля. Тот же Булгаков писал брату: «Итак, совершилась эта свадьба, которая так долго тянулась. Ну, да как будет хороший муж? То-то всех удивит, – никто не ожидает, а все сожалеют о ней. Я сказал Грише Корсакову: быть ей миледи Байрон. Он пересказал Пушкину, который смеялся только»²⁷. Злым вещуном был не один Булгаков. Можно было бы привести ряд свидетельств современников, не ждавших добра от этого брака. Большинство сожало «ее». С точки зрения этого большинства Пушкин в письме к матери невесты гадал о будущем Натальи Николаевны: «(Если она выйдет за него), сохранит ли она сердечное спокойствие среди окружающего ее удивления, поклонения, искушений? Ей станут говорить, что только несчастная случайность помешала ей вступить в другой союз, более равный, более блестящий, более достойный ее, – и, может быть, эти речи будут искренни, а во всяком случае она сочтет их такими. Не явится ли у нее сожаление? не будет ли она смотреть на меня, как на препятствие, как на человека, обманом ее захватившего? не почувствует ли она отвращения ко мне?»²⁸.

Злые вещуны судили по прошлой жизни Пушкина. Но нашлись люди, которые пожалели не «ее», но «его», Пушкина. Весьма своеобразный отзыв о свадебном деле Пушкина дал в своем дневнике А. Н. Вульф, близкий свидетель интимных успехов поэта: «Желаю ему быть счастливу, но не знаю, возможно ли надеяться этого с его нравами и с его образом мыслей. Если круговая порука есть в порядке вещей, то сколько ему, бедному, носить рогов, – это тем вероятнее, что первым его делом будет развратить жену. Желаю, чтобы я во всем ошибся»²⁹. Е. М. Хитрово, любившая поэта самоотверженной любовью, боялась за Пушкина по другим, благородным основаниям: «Я опасаюсь для вас прозаической стороны супружества. Я всегда думала, что гений может устоять только среди совершенной независимости и развиваться только среди повторяющихся бедствий»³⁰.

Первое время после свадьбы Пушкин был счастлив. Спустя неделю он писал Плетневу: «Я женат – и счастлив. Одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился»³¹. Светские наблюдатели отметили эту перемену в Пушкине. А. Я. Булгаков сообщал своему брату: «Пушкин, кажется, ужасно ухаживает за молодою женою и напоминает при ней Вулкана с Венерою... Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай Бог, чтобы все так продолжалось!»³² А Е. Е. Кашкина уведомляла П. А. Осипову, что «со времени женитьбы поэт – совсем другой человек: положитель, уравновешен, обожает свою жену, а она достойна такой метаморфозы, потому что, говорят, она столь же умна (*spirituelle*), сколь и прекрасна, с осанкой богини, с прелестным лицом. Когда я встречаю его рядом с прелестной супругой, он мне невольно напоминает одно очень умное и острое животное, – какое вы догадаетесь, я вам его не назову»³³. Отмеченный в последних словах, а также в ранее приведенном сравнении Пушкиных с Вулканом и Венерой физический

²⁶ «Русск. арх.», 1902, I, 52.

²⁷ Переписка, II, № 522, с. 223. «Русск. арх.», 1902, I, с. 54.

²⁸ Переписка, II, № 425, с. 131.

²⁹ «Пушкин и его современники», вып. XXI–XXII, с. 124.

³⁰ Переписка, II, № 451, с. 152; князь П. П. Вяземский. Собрание соч. СПб» № 526.

³¹ Переписка, II, № 526, с. 228.

³² «Русск. арх.», 1902, I, 56.

³³ «Пушкин и его современники», вып. I, с. 65. «Пушкин не любил стоять рядом со своей женой и шутя говаривал, что ему подле нее быть унижительно: так мал был он в сравнении с нею ростом» – записал П. И. Бартенев со слов князя Вяземского («Русск. арх.», 1888, II, стр. 311).

контраст наружности Пушкина и его жены бросался в глаза современникам. Проигрывал при сравнении Пушкин.

Любопытное свидетельство о Н. Н. Пушкиной и о семейной жизни Пушкина в медовый месяц оставил его приятель, поэт В. И. Туманский: «Пушкин радовался, как ребенок, моему приезду, оставил меня обедать у себя и чрезвычайно мило познакомил меня с своею пригожею женою. Не воображайте, однако ж, чтобы это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина – беленькая, чистенькая девочка, с правильными чертами и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она и неловка еще, и неразвязна. А все-таки московщина отражается в ней довольно заметно. Что у нее нет вкуса, это видно по безобразному ее наряду. Что у нее нет ни опрятности, ни порядка – о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебели и посуды»³⁴.

Очень скоро после свадьбы опять начались нелады с семьей жены, заставившие Пушкина озаботиться скорейшим отъездом в Петербург. Пушкин в письме к теще так резюмировал свое положение: «Я был вынужден оставить Москву во избежание разных дрязг, которые, в конце концов, могли бы нарушить более, чем одно мое спокойствие; меня изображали моей жене, как человека ненавистного, жадного, презренного ростовщика, ей говорили: с вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значит проповедовать развод. Жена не может, сохраняя приличие, выслушивать, что ее муж – презренный человек, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себе позволяю. Не женщине в 18 лет управлять мужчиною 32 лет. Я представил доказательства терпения и деликатности; но, по-видимому, я только напрасно трудился»³⁵.

Пушкин мечтал «не доехать до Петербурга и остановиться в Царском Селе». «Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы; в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей», – писал Пушкин Плетневу³⁶. Плетнев помог осуществлению мечты поэта и устроил его в Царском. В середине мая Пушкины благополучно прибыли в Петербург и остановились здесь на несколько дней – до устройства квартиры. Е. М. Хитрово сообщала князю Вяземскому о впечатлениях своей встречи с Пушкиными: «Я была очень счастлива свидеться с нашим общим другом. Я нахожу, что он много выиграл в умственном отношении и относительно разговора. Жена очень хороша и кажется безобидной»³⁷. Дочь Е. М. Хитрово, графиня Фикельмон, очень тонкая и умная светская женщина, писала тому же Вяземскому: «Пушкин к нам приехал к нашей большой радости. Я нахожу, что он в этот раз еще любезнее. Мне кажется, что я в уме его отмечаю серьезный оттенок, который ему и подходящ. Жена его прекрасное создание; но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастья... Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем. У Пушкина видны все порывы страстей; у жены – вся меланхолия отречения от себя. Впрочем, я видела эту красивую женщину всего только один раз». Предчувствие несчастья не оставляло эту светскую наблюдательницу и впоследствии, в декабре 1834 года она писала князю П. А. Вяземскому: «Жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выражение ее лба заставляет меня трепетать за ее будущность».

В двадцатых числах мая 1831 года Пушкины обосновались в Царском и стали жить «тихо и весело». Сестра Пушкина, О. С. Павлищева, жившая в это время в Петербурге, в письмах к мужу оставила немало подробностей о семейной жизни своего брата. Вот ее первые впечатления: «Они очарованы друг другом. Моя невестка прелестна, красива, изящна, умна и вме-

³⁴ Стихотворения и письма В. И. Туманского, под ред. С. Н. Браиловского. СПб 1912, с. 310–311.

³⁵ Переписка, II, N» 556, с. 259.

³⁶ Переписка, II, № 530, с. 231.

³⁷ Князь П. П. Вяземский. Собрание сочинений. СПб., с. 531.

сте с тем мила» («Ma belle- sceur est tout a fait charmante, jolie et belle et spirituelle avec cela bonne enfant tout a fait»). А через несколько дней О. С. Павлищева добавляла: «Моя невестка прелестна, она заслуживала бы более любезного мужа, чем Александр». Спустя 2 1/2 месяца она писала: «С физической стороны они – совершенный контраст: Вулкан и Венера, Кирик и Улита и т. д. В конце концов, на мой взгляд, здесь есть женщины столь же красивые, как она: графиня Пушкина не много хуже, m-me Фикельмон не хуже, а m-me Зубова, урожденная Эйлер, говорят, лучше»³⁸. Отличное впечатление произвели молодые и на В. А. Жуковского. «Женка Пушкина очень милое творение. C'est le mot. И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше», – писал Жуковский князю Вяземскому и А. И. Тургеневу³⁹.

Периоду тихой и веселой жизни в Царском летом и осенью 1831 года мы придаем огромное значение для всей последующей жизни Пушкина. В это время завязались те узлы, развязать которые напрасно старался Пушкин в последние годы своей жизни. Отсюда потянулись нити его зависимости, внешней и внутренней; нити, сначала тонкие, становились с годами все крепче и опутали его вконец.

Уже в это время семейная его жизнь пошла по тому руслу, с которого Пушкин впоследствии тщетно пытался свернуть ее на новый путь. Уже в это время (жизнь в Царском и первый год жизни в Петербурге) Наталья Николаевна установила свой образ жизни и нашла свое содержание жизни.

Появление девятнадцатилетней жены Пушкина при дворе и в петербургском большом свете сопровождалось блистательным успехом. Этот успех был неизменным спутником Н. Н. Пушкиной. Создан он был очарованием ее внешности; закреплен и упрочен стараниями светских друзей Пушкина и тетки Натальи Николаевны – пользовавшейся большим влиянием при дворе престарелой фрейлины Екатерины Ивановны Загряжской. Е. И. Загряжская играла большую роль в семье Пушкиных. Она была моральным авторитетом для племянницы, ее руководительницей и советчицей в свете, наконец, материальной опорой. Гордясь своей племянницей, она облегчала тяжелое бремя Пушкина, оплачивая туалеты племянницы и помогая ей материально.

В письмах сестры Пушкина, О. С. Павлищевой, к мужу мы находим красноречивые свидетельства об успехах Н. Н. Пушкиной в свете и при дворе. В середине августа 1831 года Ольга Сергеевна писала мужу: «Моя невестка прелестна: она является предметом удивления в Царском; императрица желает, чтобы она была при дворе; а она жалеет об этом, так как она не глупа; нет, это не то, что я хотела сказать: хотя она вовсе не глупа, но она еще немного застенчива, но это пройдет, и она – красивая, молодая и любезная женщина – поладит и со Двором, и с императрицей». Немного позже Ольга Сергеевна сообщала, что Н. Н. Пушкина была представлена императрице и императрица от нее в восхищении! В письмах Ольги Сергеевны есть сообщения и о светских успехах Натальи Николаевны. Ольге Сергеевне не нравился образ жизни Пушкиных; они слишком много принимали, в особенности после переезда, в октябре месяце, в Петербург. В Петербурге Пушкина сразу стала «самою модною женщиной. Она появилась на самых верхах петербургского света. Ее прославили самой красивой женщиной и прозвали «Психеей» (Quant a ma belle-sceur, c'est la femme la plus a la mode ici. Elle est dans le tres grand monde et on dit en genJral qu'elle est la plus belle; on Га surnommee «Psychbe»)⁴⁰. Барон М. Н. Сердобин писал в ноябре 1831 года барону Б. А. Вревскому: «Жена Пушкина появилась в большом свете и была здесь отменно хорошо принята, она нравится всем и своим

³⁸ «Пушкин и его современники», XV, с. 67, 76, 84, 44

³⁹ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, с. 256.

⁴⁰ «Пушкин и его современники», вып. XV, с. 84, 89, 101, 106.

обращением, и своей наружностью, в которой находят что-то трогательное»⁴¹. Вот еще одно свидетельство об успехах Н. Н. Пушкиной в осенний сезон 1832 года: «Жена Пушкина сияет на балах и затмевает других», – писал 4 сентября 1832 года князь П. А. Вяземский А. И. Тургеневу⁴². Можно было бы привести длинный ряд современных свидетельств о светских успехах Н. Н. Пушкиной. Все они однообразны: сияет, блистает, *la plus belle*, поразительная красавица и т. д. Но среди десятков отзывов нет ни одного, который указывал бы на какие-либо иные достоинства Н. Н. Пушкиной, кроме красоты. Кое-где прибавляют: «мила, умна», но в таких прибавках чувствуется только дань вежливости той же красоте. Да, Наталья Николаевна была так красива, что могла позволить себе роскошь не иметь никаких других достоинств.

Женитьба поставила перед Пушкиным жизненные задачи, которые до тех пор не стояли на первом плане жизненного строительства. На первое место выдвигались заботы материального характера. Один, он мог мириться с материальными неурядицами, но молодую жену и будущую семью он должен был обеспечить. Еще до свадьбы Пушкин обещал матери своей невесты: «Я ни за что не потерплю, чтобы моя жена чувствовала какие-либо лишения, чтобы она не бывала там, куда она призвана блистать и развлекаться. Она имеет право этого требовать. В угоду ей я готов пожертвовать всеми своими привычками и страстями, всем своим вольным существованием»⁴³. Женившись, Пушкин должен был думать о создании общественного положения, Ему, вольному поэту, такое положение не было нужно: оно было нужно его жене. Светские успехи жены обязывали Пушкина в сильнейшей степени, принуждали его тянуться изо всех сил и прилагать усилия к тому, чтобы его жена, принятая *dans le tres grand monde*, была на высоте положения и чтобы то место, которое она заняла по праву красоты, было обеспечено еще и признанием за ней права на это место по светскому званию или положению ее мужа. Звание поэта не имело цены в свете – и Пушкин должен был думать о службе, о придворном звании.

Если бы в обсуждении планов будущей жизни, в принятии решений Пушкин был предоставлен самому себе, быть может, он имел бы силы не ступить на тот путь, который наметился в первые же месяцы его брачной жизни, но он имел несчастье попасть в Царское Село. На его беду, в холерное лето 1831 года в Царское прибыл двор, пребывание которого там первоначально не предполагалось. Вместе с двором переехал в Царское и В. А. Жуковский. Первые месяцы своей женатой жизни по отъезде из Москвы Пушкин провел в теснейшем общении с Жуковским и подвергся длительному влиянию его личности, его политического и этического мирозерцания⁴⁴. Жуковский жил по соседству с Пушкиным и часто с ним видался; немало вечеров провели они вместе у известной фрейлины А. О. Россет, помолвленной в 1831 году с Н. М. Смирновым. Вместе с Жуковским Пушкин дышал воздухом придворной атмосферы. В том освещении, которое создавал прекраснодушный Жуковский, воспринимал Пушкин и личность императора.

В определении и разрешении жизненных задач, возникавших перед Пушкиным, Жуковский принял ближайшее участие. Он и раньше был благодетелем и устройтелем внешней жизни Пушкина; таким он явился и летом 1831 года. Под его влиянием, по его советам Пушкин стал искать разрешения житейских задач и затруднений около двора и от государя. Пушкин должен был получить службу, добыть материальную поддержку. Жуковский всячески облегчал Пушкину сношения с государем; конечно, при его содействии было устроено и личное обще-

⁴¹ Там же, вып. XXI–XXII, с. 371.

⁴² «Тургеневский архив. Письма А. И. Тургенева к князю П. А. Вяземскому». Ред. Н. К. Кульмана, с. 104.

⁴³ Переписка. II, № 425, с. 131.

⁴⁴ До 1831 года Пушкину не приходилось общаться с Жуковским. До высылки из Петербурга в 1820 году Пушкин не мог быть интимно близок с Жуковским, его учителем в поэзии. В годы изгнания Жуковский был его благодетелем и старшим советчиком. По возвращении из Михайловского в скитальческие годы своей жизни Пушкин видался с Жуковским только урывками.

ние поэта с государем в допустимой этикетом мере. Жуковский был инициатором царских милостей и царского расположения. Он докладывал государю о Пушкине и говорил Пушкину о государе. «Царь со мною очень милостив и любезен, – писал поэт П. А. Плетневу⁴⁵. – Царь взял меня в службу, но не в канцелярскую, или придворную, или военную – нет, он дал мне жалованье, открыл мне архивы с тем, чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: «Puisqu'il est marie et qu'il n'est pas riche il faut faire aller sa marmite». Ей богу, он очень со мною мил». Эти милости, это благоволение, подкрепленные личным общением с государем, обязали Пушкина навсегда чувством благодарности, и росту, укреплению этого чувства как нельзя больше содействовал Жуковский. Впоследствии боязнь оказаться неблагодарным не раз сковывала стремление Пушкина разорвать тягостные обязательства. «Я не хочу, чтобы могли меня подозревать в неблагодарности: это хуже либерализма», – писал однажды Пушкин⁴⁵.

Но Жуковский мощно влиял и на политическое мирозерцание Пушкина, Если на один момент воспользоваться привычными теперь терминами, то придется сказать, что в 1831 году убеждения Пушкина достигли зенита своей правизны: после 1831 года они подвергались колебаниям, но всегда влево. Политические обстоятельства этого года дали большую пищу для политических размышлений; мысли Жуковского и Пушкина совпали удивительнейшим образом. Недаром их политические стихотворения появились в одной брошюре, и Жуковский сообщил А. И. Тургеневу: «Нас разом прорвало, и есть от чего»⁴⁶. Есть указание на то, что «Клеветникам России» написано по предложению Николая Павловича, что первыми слушателями этого стихотворения были члены царской семьи. «Граф В. А. Васильев сказывал (Бартеневу), что, служа в 1831 году в лейб-гусарах, однажды летом он возвращался часу в четвертом утра в Царское Село, и, когда проезжал мимо дома Китаевой, Пушкин зазвал его в раскрытое окно к себе. Граф Васильев нашел поэта за письменным столом в халате, но без сорочки (так он привык, живучи на юге). Пушкин писал тогда свое послание «Клеветникам России» и сказал молодому графу, что пишет по желанию государя»⁴⁷. Поэт отражал, несомненно, мысли и настроения тесного придворного круга. Князь Вяземский, ближайший приятель Пушкина, весьма осведомленный об эволюции его политических взглядов, был горестно поражен политическими стихотворениями Пушкина 1831 года: взгляды Пушкина были неожиданностью для Вяземского, хотя со времени разлуки, с отъезда Пушкиных из Москвы, прошло всего каких-нибудь три месяца. Читатели же и почитатели Пушкина, которым была неизвестна внутренняя жизнь Пушкина, судили несправедливо и грубо, делая выводы из фактов внешней жизни, узнавая о назначении его в службу, о близости ко двору. Близость, конечно, мнимая: Пушкин был близок к Жуковскому и, только по Жуковскому, – ко двору. Таков резкий отзыв Н. А. Мельгунова в письме к С. П. Шевыреву от 21 декабря 1831 года. А этот отзыв не единичный: «Мне досадно, что ты хвалишь Пушкина за последние его вирши. Он мне так огадился как человек, что я потерял к нему уважение даже как к поэту. Ибо одно с другим неразлучно. Я не говорю о Пушкине, творце «Годунова» и пр.; то был другой Пушкин, то был поэт, подававший великие надежды и старавшийся оправдать их. Теперешний же Пушкин есть человек, остановившийся на половине своего поприща, который вместо того, чтобы смотреть прямо в лицо Аполлону, оглядывается по сторонам и ищет других божеств, для принесения им в жертву своего дара. Упал, упал Пушкин, и, признаюсь, мне весьма жаль этого. О, честолюбие и златолюбие!»⁴⁸

Нельзя отрицать того, что общие черты были и раньше в политических взглядах Жуковского и Пушкина, но полного тождества не было: оно было создано лишь подчинением Пуш-

⁴⁵ Переписка, III, № 854, с. 153.

⁴⁶ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 259.

⁴⁷ «Русск. арх.», 1912, II, с. 516. «Из записной книжки».

⁴⁸ А. И. Киртчишников. Очерки по истории новой русской литературы, т. II. М., 1903, с. 169.

кина политической мысли Жуковского. Но это подчинение приводило Пушкина не только к зависимости теоретического характера, но и к зависимости чисто практической, ибо центральный объект теоретической мысли воплощался на практике в лице императора Николая Павловича. Пушкин, конечно, не мог успокоиться на безропотном подчинении; он пробовал протестовать – но являлся на сцену, как это было летом 1834 года, Жуковский и погасил протест призывом к чувству благодарности. Пушкин уходил в себя, замыкался и должен был тщательно заботиться в процессе творчества о сокрытии следов своей критической мысли. В «Медном всаднике» он так тщательно укрыл свою политическую мысль, что только путем внимательнейшего анализа ее начинают обнаруживать новейшие исследователи.

Итак, уже в первый год семейной жизни, в 1831 году, жизнь Пушкина приняла то направление, по которому она шла до самой его смерти. С годами становилось все тяжелее и тяжелее. Разноцветные нити зависимости переплелись в клубок. Уж трудно было разобрать, что от чего, с чего надо начать перемену жизни: бросить ли службу, скрыться от государственных милостей, вырвать жену и себя из светской суеты, раздостать деньги, разделаться с долгами? По временам Пушкин мог с добродушной иронией писать жене: «Какие вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балах и помогаете мужьям мотать... Вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навеки, чтобы только сказали про вас: «Hier madame une telle etait decidement la plus belle et la mieux mise du bal»⁴⁹». Но иногда Пушкин не вь держивал добродушного тона. Горьким воплем звучат фразы письма к жене: «Дай бог... плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить баринном! Неприятна зависимость, особенно, когда лет 20 человек был независим. Это не упрек тебе, а ропот на самого себя»⁵⁰. Эти слова писаны в мае 1834 года. В этот год Пушкин ясным оком взглянул на свою жизнь и решился на резкую перемену всего строя жизни, судорожно рванулся, но тут же был остановлен в своем движении Жуковским, который просто накричал на него. Кризис не наступил, а с 1834 года петли, образовавшиеся из нитей зависимости, медленно, но непрерывно затягивались.

Наталья Николаевна не была помощницей мужа в его замыслах о перемене жизни. В том же мае 1834 года Пушкин осторожно подготавливал жену к мысли об отъезде из Петербурга: «С твоего позволения, надобно будет, кажется, выдти мне в отставку и со вздохом сложить камерюнкерский мундир, который так приятно льстил моему честолюбию и в котором, к сожалению, не успел я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я уверен, что тебе не труднее будет исполнить долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены. Зависимость и расстройство в хозяйстве ужасны в семействе; и никакие успехи тщеславия не могут вознаградить спокойствия и довольства. Вот тебе и мораль»⁵¹.

Доводы Пушкина не были убедительны для Натальи Николаевны. Не покидавшая Пушкина мысль об отъезде в деревню не воспринималась его женой. Годом позже, в 1835 году, Наталья Николаевна отвергла предложение поездки в Болдино. Сестра Пушкина в характерных выражениях сообщила об этом отказе своему мужу: «Они (т. е. Пушкины) не едут больше в Нижний, как предполагал Monsieur, потому что Madame об этом и слышать не желает»⁵².

В процессе закрепления ните-петель, стягивавших Пушкина, Наталья Николаевна, быть может, бессознательно, не отдавая себе отчета и подчиняясь лишь своему инстинкту, играла важную роль. «Она медленно, ежеминутно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина», – говорит хорошо знавшая Пушкиных современница. Никогда не изменявшая, по ее мнению, чести, Наталья Николаевна была виновна в чрезмерном легкомыслии, в роковой само-

⁴⁹ Переписка, III, № 829, с. 127.

⁵⁰ Переписка, III, № 820, с. 118.

⁵¹ Там же, III, № 824, с. 120.

⁵² «Пушкин и его современники», вып. XVII–XVIII, 162.

уверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж⁵³.

Но кто же, наконец, она, эта поразительная красавица? Какую душу облекла прелестная внешность? Мы уже упоминали, что почти все современные свидетельства о Наталье Николаевне Пушкиной говорят только об ее изумительной красоте и ни о чем больше: они молчат об ее сердце, ее душе, ее уме, ее вкусе. Перечтите письма князя Вяземского к А. И. Тургеневу, наполняющие огромные томы «Остафьевского архива»: вы найдете в них множество сообщений о красавицах, которыми всегда интересовался Вяземский; почти всякое сообщение дает одну, другую подробность к характеристике духовной личности, почти о каждой красавице – Авроре Мусиной-Пушкиной, А. В. Киреевой, о Долли Фикельмон и т. д. – из этих писем вы узнаете что-нибудь. Но сообщения о Пушкиной, крайне немногочисленные, говорят только об ее бальных успехах. Во всех свидетельствах о ней – не только князя Вяземского, но и всех других – не приведено ни одной ее фразы, не упомянуто ни об одном ее действии, поступке. Точно она – лицо без речей в драме, и вся ее роль сводится только к блистанию и затмеванию всех своей красотой. В этом молчании современников нет ничего загадочного: молчат, потому что нечего было сказать, нечего было отметить.

Нельзя не пожалеть о том, что в нашем распоряжении нет писем Натальи Николаевны, каких бы то ни было, а в особенности к Пушкину. В настоящее время изображение личности Натальи Николаевны мы можем только проектировать по письмам к ней Пушкина. И вот, строя проекцию, что мы можем, например, сказать о вкусах Натальи Николаевны? Писем Пушкина к ней довольно много, и ни в одном из них Пушкин не поделился с ней ни одним своим литературным замыслом. Если он и пишет о своем творчестве, так только с точки зрения количественной, материальной, – какую выгоду ему принесет то или иное произведение! Необходимость творчества оправдывается в письмах материальными потребностями. О своей творческой, художественной деятельности Пушкин мог говорить с своими друзьями – князем Вяземским, Жуковским, с А. О. Смирновой, с Е. М. Хитрово, – с дипломатами, но с женой ему нечего было говорить об этой важнейшей стороне его жизни; ей это было безразлично или непонятно. Только непонятливостью Натальи Николаевны или ее нечувствительностью к литературе можно объяснить решительное отсутствие каких-либо заметок литературного характера в письмах к ней Пушкина.

К литературе Наталья Николаевна относилась так же, как к театру. Укоряя как-то в письмах жену за праздную, ненужную поездку из имения в Калугу, Пушкин писал: «Что за охота таскаться в скверный уездный городишко, чтоб видеть скверных актеров, скверно играющих старую, скверную оперу? Что за охота останавливаться в трактире, ходить в гости к купеческим дочерям, смотреть с чернью губернской фейворок, – когда в Петербурге ты никогда и не думаешь посмотреть на Каратыгиных»⁵⁴.

Точно так же ни из писем Пушкина, ни из каких-либо других источников мы ничего не узнаем об интересах Натальи Николаевны к живописи, к музыке.

Всем этим интересам неоткуда было возникнуть. Об образовании Натальи Николаевны не стоит и говорить. «Воспитание сестер Гончаровых (их было три) было предоставлено их матери, и оно, по понятиям последней, было безукоризненно, так как основами такового положены были основательное изучение танцев и знание французского языка лучше своего родного. Соблюдение строжайшей нравственности и обрядов православной церкви служило

⁵³ Княгиня Е. Н. Мещерская, дочь Н. М. Карамзина. – Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е. СПб., 1899, с. 262.

⁵⁴ Переписка, III, № 861, с. 160. Впрочем, справедливость требует упомянуть, что Наталья Николаевна пробовала писать стихи, но Пушкин отнесся сурово к ее попытке: «Стихов твоих не читаю. Чорт ли в них, – и свои надоели», – писал он жене (Переписка, II, N» 647, с. 356).

дополнением высокого идеала «московской барышни»⁵⁵. Обстановка детства и девичьих лет Н. Н. Пушкиной отнюдь не содействовала пополнению образовательных пробелов. Знакомства и интересы – затхлого, провинциального разбора⁵⁶. «Как я не люблю, – писал Пушкин, – все, что пахнет московской барышней, все, что не *comme il faut*, все, что *vulgar*»⁵⁷. Значит, московская барышня, какой и была девица Наталья Гончарова, – не *comme il faut*, *vulgar*.

В сравнении с такими представительницами высшего света, как А. О. Смирнова, Е. М. Хитрово, графиня Фикельмон или Карамзины, Наталья Николаевна была слишком проста, слишком «безобидна», по ироническому выражению Е. М. Хитрово.

Вспоминается рассказ А. О. Смирновой о жизни Пушкина в Царском. По утрам он работал один в своем кабинете наверху, а по вечерам отправлялся читать написанное к А. О. Смирновой; здесь он толковал о литературе, развивал свои литературные планы. А жена его сидела внизу за книжкой или за рукодельем; работала что-то для П. В. Нащокина. С ней он о своем творчестве не говорил. Дочь Н. Н. Пушкиной, А. П. Арапова, в воспоминаниях о своей матери, объясняя отсутствие литературных интересов у своей матери, ссылается на то, что Пушкин сам не желал посвящать жену в свою литературную деятельность. Но почему не желал? Потому, что не было и не могло быть отзвука. «Наталья Николаевна была так чужда всей умственной жизни Пушкина, что даже не знала названий книг, которые он читал. Прося привезти ему из его библиотеки Гизо, Пушкин объяснял ей: «4 синих книги на длинных моих полках».

Если из писем Пушкина к жене устранить сообщения фактического, бытового характера, затем многочисленные фразы, выражающие его нежную заботливость о здоровье и материальном положении жены и семьи, и по содержанию остающегося материала попытаться осветить духовную жизнь Н. Н. Пушкиной, то придется свести эту жизнь к весьма узким границам, к области любовного чувства на низшей стадии развития, к переживаниям, вызванным проявлениями обожания ее красоты со стороны ее бесчисленных светских почитателей. При чтении писем Пушкина, с первого до последнего, ощущаешь атмосферу пошлого ухаживания. Воздухом этой атмосферы, раздражавшей поэта, дышала и жила его жена. При скудости духовной природы главное содержание внутренней жизни Натальи Николаевны давал светско-любовный романтизм. Пушкин беспрестанно упрекает и предостерегает жену от кокетничанья, а она все время делится с ним своими успехами в деле кокетства и беспрестанно подозревает Пушкина в изменах и ревнует его. И упреки в кокетстве, и изъясления ревности – неизбежный и досадный элемент переписки Пушкиных.

Покидая свою жену, Пушкин всегда пребывал за нее в беспокойстве – не только по обыкновенным основаниям (быть может, больна; быть может, материальные дела плохи!), но и по более глубоким: не сделала ли она какого-либо ложного шага, роняющего ее и его в общем уважении? А ложные шаги она делала – и нередко; то в отсутствии Пушкина дружится с графинями, с которыми неловко было кланяться при публике, то принимает человека, который ни разу не был дома при Пушкине, то принимает приглашение на бал в дом, где хозяйка позволяет себе невнимание и неуважение. Еще сильнее волновало и беспокоило Пушкина опасение, как бы его жена не зашла далеко в своем кокетстве. «Ты кругом виновата <...> кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом». «Смотри, женка! Того и гляди, избалуешься без меня, забудешь меня – искокетни-чаешься»... «Не страшай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась»... «Не кокетничай с Соболевским»... «Не страшай меня <...> не кокетничай с царем, ни с женихом княжны Любы»... Такими фразами пестрят письма Пушкина. Один раз Пушкин подробно изложил свой взгляд на кокетство: «Ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри:

⁵⁵ П. П. Каратыгин. Н. Н. Пушкина в 1831–1837 гг. – «Русск. стар.», т. XXXVII, 1883, янв., с. 56. В довольно пространных воспоминаниях дочери Пушкиной не сказано ни одного слова об образовании Н. Н. Пушкиной: см. «Н. Н. Пушкина-Ланская» в приложениях к газете «Новое время». 1907–1908 годы.

⁵⁶ См. нашу статью «Пушкин и московские студенты в 1831 году». – «Ист. вестн.», т. ХСVI, 1904, апр., с. 219 и сл.

⁵⁷ Переписка, III, № 752, с. 55.

не даром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкою, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе задницу; есть чему радоваться! Не только тебе, но и Парасковье Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что-де я большая охотница. Вот вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будут. К чему тебе принимать мужчин, которые за тобою ухаживают? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Фоме и Кузьме. Фома накормил Кузьму икрой и селедкой. Кузьма стал просить пить, а Фома не дал. Кузьма и прибил Фому, как каналю. Из этого поэт выводит следующее нравоучение: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму». Смягчая выражения, в следующем письме Пушкин возвращается к теме о кокетстве: «Повторю тебе помягче, что кокетство ни к чему доброму не ведет; и хоть оно имеет свои приятности, но ничто так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейственного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: уважения». В кокетстве раздражала Пушкина больше всего общественная, так сказать, сторона его. Интимная же сторона, боязнь быть «кою» не волновала так Пушкина. Эту особенность взглядов Пушкина на кокетство надо подчеркнуть и припомнить при изложении истории столкновения его с Дантесом.

У Пушкина был идеал замужней женщины, соответствию которому он желал бы видеть в Наталье Николаевне, – Татьяна замужем.

Она была не тороплива.
 Не холодна, не говорлива,
 Без взора наглого для всех,
 Без притязаний на успех,
 Без этих маленьких ужимок,
 Без подражательных затей...
 Все тихо, просто было в ней.
 Она казалась верный снимок
 Du comme il faut...

 С головы до ног
 Никто бы в ней найти не мог
 Того, что модой самовластной
 В высоком лондонском кругу
 Зовется vulgar.

«Кокетничать я тебе не мешаю, – обращался Пушкин к жене, – но требую от тебя *холодности, благопристойности, важности* – не говорю уже о беспорочности поведения, которое относится не к *тону*, а к чему-то уже важнейшему». И еще: «Я не ревнив, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышнейю, *все, что не comme il faut, все, что vulgar...* Если при моем возвращении я найду, что твой *милый, простой, аристократический* тон изменился, разведусь, вот те Христос». Но, несмотря на то, что жизнь в петербургском свете сильно преобразила московскую бчрышню Гончарову, ей было далеко до пушкинского идеала. Ложные шаги, которые ей ставил в строку Пушкин, снисходительная податливость на всяческие ухаживания делали этот идеал для нее недостижимым.

Как бы в ответ на постоянные напоминания мужа о кокетстве, Наталья Николаевна свои письма наполняла изъявлениями ревности; где бы ни был ее муж, она подозревала его в увлечениях, изменах, ухаживаниях. Она непрестанно выражала свою ревность и к прошлому, и к настоящему. Будучи невестой, она ревновала Пушкина к какой-то княгине Голицыной; когда

Пушкин оставался в Петербурге, подозревала его в увлечении А. О. Смирновой; обвиняла его в увлечении неведомой Полиной Шишковой; опасалась его слабости к Софье Николаевне Карамзиной; сердилась на него за то, что он будто бы ходит в Летний сад искать привязанностей; не доверяла доброте его отношений к Евпраксии Вульф; думала в 1835 году, что между Пушкиным и А. П. Керн что-то есть... Когда читаешь из письма в письмо о многократных намеках, продиктованных ревностью Натальи Николаевны, то испытываешь нудную скуку однообразия и останавливаешься на мысли: а ведь это даже и не ревность, а просто привычный тон, привычная форма! Ревновать в письмах значило придать письму интересность. Ревность в ее письмах – манера, а не факт. Подчиняясь тону ее писем, и Пушкин усвоил особенную манеру писать о женщинах, с которыми он встречался. Он пишет о любой женщине, как будто наперед знает, что Наталья Николаевна обвинит его в увлечениях и изменах, и он заранее ослабляет силу ударов, которые будут на него направлены. Он стремится изобразить встреченную им женщину возможно непривлекательнее как с внешней, так и с внутренней стороны. Таковы отзывы его об А. А. Фукс, об А. П. Керн и др. Справедливо говорит автор, собравший указания на ревность Н. Н. Пушкиной: «(О женщинах) Пушкин писал (в письмах к жене) для себя и потомства, а для жены, и судить по ним об его истинных отношениях к людям, особенно к женщинам, не следует»⁵⁸. С другой стороны, нельзя не отметить отсутствия хороших отзывов о женщинах в письмах Пушкина к жене.

Не вдаемся в разбор вопроса, каковы фактические основания для Ревности Н. Н. Пушкиной. Княгиня В. Ф. Вяземская передавала П. И. Бартеневу, что в истории с Дантесом «Пушкин сам виноват был; он открыто ухаживал сначала за Смирновой, потом за Свистуновой (ур. тр. Соллогуб). Жена сначала страшно ревновала, потом стала равнодушна и привыкла к неверностям мужа. Сама она оставалась ему верна, и все обходилось легко и ветрено»⁵⁹. Верно, во всяком случае, то, что любовь Пушкина к жене в течение долгого времени была искреннейшим и заветнейшим чувством. А. Н. Вульф жестоко ошибся, предположив в 1830 году, что первым делом Пушкина будет развратить жену. Вульф, действительно, хорошо знал Пушкина в его отношениях к женщинам и ярко изобразил в своем дневнике полный своеобразной эротики любовный быт своих современников (или, по крайней мере, группы, кружка); примеров же и образцом он считал Пушкина⁶⁰. Но Вульф не знал всего о любовном чувстве: ему была известна феноменология пушкинской любви, но ее «вещь в себе» была для него за семью печатями. Ему была близка любовь земная и чужда любовь небесная. Вульф и в жизни остался достойным гнева и жалости эмпириком любви, а Пушкин, для которого любовь была гармонией, извещал высший восторг небесной любви. Но Пушкин с стыдливой застенчивостью скрывал свои чувства от всех и – от Вульфа. Этот «развратитель» упрощает жену: «Не читай скверных книг дединой библиотеки, не марай себе воображения»⁶¹. Не станем приводить доказательств любви Пушкина к жене: их сколько угодно и в письмах, и в произведениях. Надо только внести поправки: с любовью к жене уживались увлечения другими женщинами, а затем в истории его чувств к жене был свой кризис.

Но, принимая к сведению свидетельства об увлечениях Пушкина, вроде рассказов княгини Вяземской, мы все-таки думаем, что чувство ревности у Н. Н. Пушкиной не возникало из душевных глубин, а выросло из настроений порядка элементарного: увлечение Пушкина его предпочтением другой женщине было тяжким оскорблением, жестокой обидой ей, первой красавице, заласканной неустанным обожанием света, двора и самого государя. Итак, ревность Н. Н. Пушкиной – или манера в письмах, или оскорбленная гордость красивой женщины.

⁵⁸ «Ревность Н. Н. Пушкиной», статья *Н. О. Лернера*. – «Русск. стар.». СХХIV. 1905, ноябрь, с. 424–425.

⁵⁹ «Русск. арх.», 1888, II, с. 309.

⁶⁰ Дневник А. Н. Вульфа в издании «Пушкин и его современники», XXI–XXII; сравн. *мои* статьи: «Любовный быт в пушкинскую эпоху». – «День», 11 и 20 ноября 1915 г.

⁶¹ Переписка, III, № 805, с. 101.

Но попробуем углубиться в вопрос об отношениях Пушкиных, попробуем измерить глубину чувства Натальи Николаевны. Пушкин имел дар строгим и ясным взором созерцать действительность в ее наготе в страстные моменты своей жизни. С четкой ясностью он оценил отношение к себе девицы Натальи Гончаровой, от первой встречи с которой у него закружилась голова. Его горькое признание в письме к матери невесты (в апреле 1830 г.) не обратило достаточного внимания биографов Пушкина, а оно – документ первоклассного значения для истории его семейной жизни. В нем нужно взвесить и оценить каждое слово: «Только привычка и продолжительная близость может доставить мне ее (Натальи Николаевны) привязанность; я могу надеяться со временем привязать ее к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться; если она согласится отдать мне свою руку, то я буду видеть в этом только свидетельство ее сердечного спокойствия и равнодушия». Пушкин сознавал, что он не нравится семнадцатилетней московской барышне, и надеялся снискать ее привязанность (не любовь!) по праву привычки и продолжительной близости. Самое согласие ее на брак было для него символом свободы ее сердца и... равнодушия к нему.

В своей великой скромности Пушкин думал, что в нем нет ничего, что могло бы понравиться блестящей красавице, и в моменты работы совести приходил к сознанию, что Наталью Николаевну отделяет от него его прошлое. В один из таких моментов создан набросок:

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю,
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю –
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкий,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой.
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья –
Уныло слушаешь меня.
Кляню коварные старанья
Преступной юности моей,
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей;
Кляню речей любовный шопот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковых дев,
И слезы их, и поздний ропот...

Не прошлое Пушкина отделяло от него Наталью Николаевну. С горьким признанием Пушкина о равнодушии к нему невесты надо тотчас же сопоставить теснейшим образом к признанию примыкающее свидетельство о чувствах к нему молодой жены:

Нет, я не дорожу мятежным наслаждением,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вивясь в моих объятиях змеей,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий.

О, как милее ты, смиренница моя!

О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склонясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна, без упоенья,
Стыдливо – Холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему,
И разгораешься потом все боле, боле –
И делишь наконец мой пламень поневоле.

Пытаются внести ограничения в это признание. Так, Н. О. Лернер, возражая против толкования В. Я. Брюсова⁶², рассуждает: «Брюсов видит здесь доказательство того, что Н. Н. Пушкина была чужда своему мужу. Между тем это признание говорит, самое большое, лишь о физиологическом несоответствии супругов в известном отношении и холодности сексуального темперамента молодой женщины»⁶³. Неправильность этого рассуждения обнаруживается при сопоставлении признания в стихах с признанием в прозе. Если в начале любви было равнодушие с ее стороны и надежда на привычку и близость с его стороны, то откуда же возникнуть страсти? откуда быть соответствию восторгов? Да, Наталья Николаевна исправно несла свои супружеские обязанности, рожала мужу детей, ревновала, и при всем том можно утверждать, что сердце ее не раскрылось, что страсть любви не пробудилась. В дремоте было сковано ее чувство. Любовь Пушкина не разбудила ни ее души, ни ее чувства. Можно утверждать, что круг, заключавший внутреннюю жизнь Пушкина, и круг, заключавший внутреннюю жизнь Натальи Николаевны, не пересеклись и остались эксцентрическими.

Наталья Николаевна дала согласие стать женой Пушкина – и оставалась равнодушна и спокойна сердцем; она стала женой Пушкина – и сохранила сердечное спокойствие и равнодушие к своему мужу.

⁶² В. Я. Брюсов писал по поводу этого стихотворения: «Разве не страшно думать о тех «долгих молениях», с которыми Пушкин должен был обращаться к своей жене, прося ее ласк, о том, что она отдавалась ему «нежна, без упоенья», «едва отвечивала» его восторгу и делила, наконец, его пламень лишь «поневоле» («Из жизни Пушкина». – «Новый путь», 1903, июнь, с. 102).

⁶³ Сочинения Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. VI. 426.

4

Зимний сезон 1833–1834 года был необычайно обилен балами, раутами. В этот сезон Наталья Николаевна Пушкина получила возможность бывать на дворцовых балах. «Двору хотелось», чтобы она «танцевала в Аничкове», – и Пушкин был пожалован, в самом конце 1833 года, в камер-юнкеры. Впрочем, кончился сезон для Натальи Николаевны плохо. «Вообрази, что жена моя на днях чуть не умерла», – писал Пушкин П. В. Нащокину в начале марта 1834 года: «Нынешняя зима была ужасно изобильна балами. На масленице танцевали уж два раза в день. Наконец настало последнее воскресенье перед великим постом. Думаю: слава богу! балы с плеч долой! Жена во дворце. Вдруг, смотрю – с нею делается дурно – я увожу ее, и она, приехав домой, выкидывает»⁶⁴

⁶⁴ Переписка, III, № 783, с. 83. 58

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.